

Бармен по прозвищу Крыс вернулся домой угрюмым и трезвым. Случилась неприятность с одним из посетителей бара, и Крыс вызвал охрану – двух молчаливых робокопов в черном. Посетителя сопровождали на улицу, благословили по протоколу, и тот растворился в октябрьской ночи.

Спотыкаясь о коробки в прихожей, Крыс, не склонный к самокопанию, мучительно думал: правильно ли сделал, что нажал кнопку вызова... А своей подруге, тоже бармену, с которой они делили съёмную желтенькую однушку, сказал:

– Пожрать бы щас да баиньки.

– Че-нить придумаю, – ответила подруга, которую бармен называл Хомяком, и зашуршала в холодильнике.

Ужиная пельменями, Крыс не испытывал привычного аппетита, он напряженно думал о происшедшем, глядя на стеклянную перечницу в форме гриба, как если бы взглядом хотел сдвинуть ее с места.

– Да всё ты правильно сделал, не парься, – подбодрила чуткая к душевным переменам своего парня Хомяк. – Сметану будешь?

– Я и не парюсь, – жуя, ухмыльнулся Крыс. – Че он там сказал, когда уходил?

– Че-то про школу. И что мы толпа. Да выкинь ты его из головы. Он без спроса врубил свою бредовую песню, которую типа сам написал. Душил, короче. Ты выткнул его телефон из колонки и вернул. Он обиделся и пошел обратно включать. Че еще было делать, не драться же с Призраком? – засмеялась подруга.

– Ну да, хе-хе. Хотя он меня оттолкнул... нарывался.

– Крыся моя, бар – это наша работа. Хозяин всё видел, он одобрил твой поступок. Нужны нам проблемы?

– Нет, не нужны.

– Ну вот. Ребята нас поддержали, посмеялись. Не грузись давай...

Крыс и рад бы согласиться с Хомяком. Вроде всё просто и ясно. Этот душнила Призрак никогда ему особо не нравился. Мутный какой-то, себе на уме. Говорили, что преподает где-то. Придет, вежливо поздоровается, возьмет пива, сядет в угол и наблюдает, как сыч. Его не сразу замечали, когда тот приходил, обнаруживали уже в углу, поэтому и нарекли Призраком. Когда малость поднаберется, высматривает себе жертву и завязывает с ней умный разговор. «Философ хренов», – морщился на это Крыс. Если Призрак и чудил, то чудачество его заключалось в том, чтобы залезть человеку в голову. А люди пришли выпить и расслабиться, пошутковать. Жизнь и так боль. Случалось, что жертва его отшивала, но чаще ему удавалось каким-то образом втереться в доверие, и тогда говорила жертва, а Призрак внимательно слушал и кивал, отпивая из бокала. Вроде не агрессивен, не быдло какое с улицы, но порой глянешь – стукнуть хочется по очкам.

Впрочем, было и другое. Как-то осенью, ближе к ночи, барная компания отправилась на берег Оби. Развели костер, пели песни, общались. Самые отчаянные плескались в темной реке. Призрака заметили лишь тогда, когда тот попросил гитару. Стало вдруг слышно, как потрескивает горящий хворост, а через минуту все уже пели хором. Конечно, никогда они с Крысом близко не общались, разные потому что, но всё же... подпевал.

– Хомяк?

– Ась? – моя посуду, отозвалась подруга.

– Да вспомнил, как песни у костра пели. Призрак там еще был...

– И че теперь? Был да сплыл. Ты заплачь еще. Ценного постояльца, что ли, потерял? Не, серьезно?

В мойке перестала шуметь вода.

– Я не об этом. Да и все как-то не очень расстроились, когда он ушел... – вовремя добавил Крыс, поглаживая длинный обесцвеченный хвост, стянутый резинкой.

– О чем и речь, – выдохнула подруга, пустив воду. – Ты бы его тогда приголубил, когда он муть свою включил, а хозяин бы тебе потом высказал на трезвую. Он же, кажись, и сказал выключить... Так?

– Да хрен бы с этим хозяином. Обещал зарплату поднять, а тут у него аренда подорожала... ждите.

– Ладно тебе. Давай лучше водочки выпьем на сон грядущий? – Хомяк ласково подмигнула.

– Дава-ай, – обреченно протянул Крыс.

Дома они предпочитали пить водку.

Когда легли, бармен нашел самый темный запаутиненный угол, в который он обычно смотрел, чтобы уснуть, и тяжело вздохнул. Уснуть не получалось. Сквозь выцветшие шторы простреливали огни ночного проспекта, шастая по стене. С улицы порой доносились нечеловеческие крики, смех, об асфальт билось стекло...

Крыс с отвращением подумал, что наступила суббота и что уже сегодня, к десяти часам, ему выходить на дежурство – в бар. Что всё повторится. Сперва он будет разгонять головную боль, натужно пошучивая с коллегами. Мусолить на перекурах события прошлых вечеров, елозить шваброй по полу, глотать растворимый кофе. Затем, после обеда, потянутся за выпивкой бледнолицые посетители. Они тоже будут шутить, стыдливо моргать осовелыми глазками, не скрывая похмелья. Ближе к вечеру заявятся постояльцы. И снова разговоры, перекуры, сплетни, пьяные шутки, смех... Тошно.

– Хомяк, спишь?

– А? – одеяло зашевелилось и пахло перегаром. – Крыс, ты охренел, что ли? Завтра на работу вставать!

– Сегодня.

– Че?

– Слушай, мы сколько уже в барменах ходим, лет семь-восемь?

– Крыс, я не пойму, ты че, Призраком заделался? Какие вопросы в три ночи?

– Думаешь, больше не придет?

– Кто?

– Призрак.

– Какой еще... Да мне насрать на него. Хозяйке чем будем за хату платить, если нас уволят?

– Ладно, не нагнетай. Спи.

Одеяло нервно зашевелилось и спустя минуту затихло.

А Крыс продолжил размышлять: универ, женитьба, ребенок... Бросил универ, стройка, продавец-консультант. Потом развод. Знакомый предложил подменить его в баре. А что? Работа не пыльная, выпивка под рукой, красивые девушки, каждый день общение – не заскучаешь. Решил попробовать. Один бар, другой, третий. Втянулся и надолго осел в нынешнем баре с названием «Норá». Теперь он профессионал. Заведение считалось продвинутым для провинциального города: с пивоварней, музыкальными вечерами и неформальной публикой. Были попытки восстановиться в универе, найти другую работу. Но всё как-то не ладилось: то просыпал встречу, то внезапно наваливалась хворь, то просто не отвечал на звонки... Старался почаще бывать у дочки, дарил ей подарки. Повзрослев, дочь отдалилась. Он же перестал понимать свою отцовскую роль, да и человеческую тоже. Боялся приходить в чужую семью, боялся говорить с дочерью. «Кто я? – спрашивал он себя. – Я бармен». Привык, утомился. И страшно стало что-либо менять. «Я раб бара», – в потемках усмехнулся Крыс.

Он вдруг задумался: «А что я вообще умею?» Переезд из деревни в город, неудачная попытка отучиться на программиста, новая среда, в которой выгоднее кем-то казаться, нежели быть – всё это расшатало почву под ногами. Он начал сомневаться в возможности найти какое-либо достойное призвание. И если в начале своего барменского пути на вопрос: «Чем занимаешься?» – Крыс багровел, прятал глаза, мямлил что-то с добавкой «временно», то спустя год стал отвечать прямо, с нагловатой усмешкой: «Ну да, бармен. У нас классно. Крафтовое пиво, живая музыка, студенточки. Забегай, если че...» Этот развязно-ироничный стиль он перенял у других барменов и даже нашел в своей работе некую «философию». Бармен – не разливашка какой на кране, не принеси-подай, а своего рода медиум, создающий атмосферу, связующее звено между посетителями и баром. Внешне он тоже изменился: проколол ухо, набил цветные татуировки на руках. Научился стильно стоять за барной стойкой, когда нужно, отпуская заученные хлесткие фразы. «Крутой чел», – отзывались о нем подвыпившие постояльцы. Но где-то за худи и татуировками в нем еще жил белобрысый деревенский пацан Вовка, гонявший в облаке пыли на старенькой «Яве», способный разобрать и собрать ее за полдня, наученный ухаживать за животными, чинить всё, что криво стоит, своими руками. Так, они с другом за одно лето, под немногословные советы отца, выходявшего на крылечко покурить, соорудили коровник. Припомнив это, Крыс улыбнулся. «Что я

смогу?..» – впиался, буровил взглядом неподвижную черноту угла, но просвета не было...

Он пошарил рукой по полу, нашел смартфон с треснувшей задней крышкой. Добравшись через общих знакомых до странички Призрака, кликнул «сообщение». Убавив яркость экрана, Крыс пристально смотрел на клавиатуру, зачем-то меняя русскую раскладку на английскую и наоборот. Тушил экран, через какое-то время включал снова. Набирал: «Призрак, привет». Удалял. Вновь набирал: «Доброго времени суток, говнюк» со смайликом в конце. Снова удалял, усмехаясь.

Крыс не понимал своего состояния. После двух рюмок водки он должен по обыкновению спать глубоко и безмятежно. А он занимается черт знает чем, философствует... Ну, начудил очкарик, пришлось вызвать охрану, всякое случается. Едва ли бармен испытывал чувство вины, скорее, необъяснимый интерес к персонажу, который, он был уверен, в баре никогда уже не появится. А значит, не станет раздражителя, на который ему приходилось как-то реагировать и что-то вменять.

Крыс не был психологом, но нескончаемый поток посетителей бара, общение с ними, со временем научило его неплохо разбираться в людях. Он понимал, что Призрак из тех, кто «сам по себе», кто способен, если нужно, с легкостью влиться в компанию и так же просто и безболезненно ее оставить. Крыс к таким людям относился с некоторым недоверием, но не без интереса, поскольку сам по природе своей был человеком компанейским. Он поддерживал, тянул знакомства, длящиеся порой со школьных времен. Это сложно было назвать дружбой, так – периодические созвоны: занять денег (с обеих сторон), поздравить с днюхой, помочь с переездом. Даже если какой-нибудь старинный приятель становился в тягость в силу перемены образа жизни, излишней назойливости или банального кидалова, Крыс не спешил разрывать связи. Его пугала перспектива остаться без поддержки другого, без веселой болтовни за кружкой пива с друзьями, без привычного ворчания Хомяка... Остаться одному.

Одиночество он воспринимал как болезнь. Может, потому, что физическая немощь (в виде сезонного гриппа или похмелья) была единственной причиной, способной надолго удержать его в четырех стенах. И тогда, распластавшись на диване, беспомощный и разбитый, он ощущал свою ненужность, оторванность от подлинной жизни, тишина его раздражала. Крыс фоном включал «Короля и шута», зачем-то открывал окна, названивал коллегам с вопросами: как там, что там? – а в голосе слышалось: без меня!.. На что те издевательски-весело описывали какой-нибудь забавный случай в баре и желали скорейшего выздоровления. Но эти пресные, брошенные из вежливости пожелания, явная неохота к долгим минорным разговорам, чего ему так хотелось, только усиливали ощущение ненужности и пустоты. Оказывалось, что ни мир, ни его родной бар, ни барные стулья, давно требующие ремонта, не рушились – без него. Всё тихонечко вертелось, жило своей жизнью, прибухивало и опохмелялось по какому-то неизменному и неведомому плану.

«А могу ли я быть сам по себе?» Устав лежать, Крыс вышел в трусах на узкий застекленный балкон и закурил, глядя в бледнеющую пустоту улицы с тополями. Было свежо и тихо. Время от времени проезжали порожние такси, пробегали бездомные собаки по тротуару, мигали желтым задремавшие светофоры... Крыс протянул руку, чтобы коснуться пожелтой ветки клена, растущего по соседству. Листья не удержались

и, кружась, полетели вниз. Он проводил их взглядом, вдруг осознав, что наступила осень, и закурил еще...

Однажды они серьезно повздорили с Хомяком. И это был, пожалуй, единственный случай, когда он решил не уступать. Дело касалось его дочери. На воскресенье Крыс запланировал традиционную прогулку по парку с каруселями, мороженым и самокатами. Он всегда трепетно относился к общению с дочерью, был трезв по субботам, избегал тусовок, позволяя Хомяку проводить время одной, и вообще, несмотря на весь свой показной атеизм, воскресенье считал днем искупительным. У Хомяка же на этот день бережно хранились приглашения на свадьбу лучшей подруги. Она готовилась загодя, начиная свое преобразование от волос, которые следовало немного отрастить, затем чуточку остричь, после чего окрашенное окрасить, – и заканчивая педикюром с эмблемами из какого-то анимешного сериала на ногтях, который никто не смотрел. Когда произошла ссора, Хомяк, зная слабые стороны своего парня лучше, чем каталог акций в Ozon, с криком пообещала немедленно съехать к подруге. Не той, которая лучшая, а той, по ее ироничному определению «кулема», что по доброте своей готова приютить всякого страждущего... «Вот и будешь сидеть один в своей норе», – зло сказала она, будучи уверена, что ее страшное заклинание сработает и на этот раз. Но Крыс, к удивлению девушки, остался непреклонен. Хомяк выдержала паузу, когда они разошлись по углам, не без труда переварила ситуацию, выкурив полпачки в кухонное окно, и решила в итоге принять неожиданный выпад Крысеныша как мужской поступок. Это устроило обоих, и долгожданное воскресенье они провели порознь.

Продрогнув на балконе, Крыс тихонько прокрался под одеяло, закрыл глаза, чтобы ушло всё надуманное за ночь разом, но сна не было. Он вспомнил смеющиеся пьяные физиономии, сутулую удаляющуюся спину Призрака, двоих скучных охранников, беседующих с хозяином... Вспомнил, что испытывал при этом гаденькое торжество: так тебе и надо, философ, иди гуляй. Подумал: кому или чему тогда мстил? Этому ли чудаковатому и безобидному, в сущности, пьянице или чему-то еще... Тому, что копилось на протяжении последних лет, бродило недоношенными мыслишками, праздной обидой на всё, вызревало темным болезненным гнойником. Теперь Крысу не страшно было признаться себе, что если бы он и хотел доверить кому-то свои карябающие душу мыслишки, свою загнанную в темный угол не избытую тоску, то этот кто-то мог быть только Призрак. Тихий, нескладный, пьяненький, в круглых интеллигентских очочках, он подсел бы с кружкой крепкого пива и по обыкновению спросил: «Ну, как живется в норе?» И у Крыса нашлось бы что ему рассказать...

«С ума я, что ли, сошел?» – усмехнулся бармен.

Он взял смартфон, вышел со страницы Призрака, зашел на другую, с фото жизнерадостного бородача на фоне алтайских гор, и уверенно набрал: «Увольняюсь».